

УДК 327.56

**«ОБРАЗ» И «РЕАЛЬНОСТЬ» АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА
КАК ФАКТОР РАЗРЫВА СОВЕТСКО-ИЗРАИЛЬСКИХ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1967 Г.**

© 2016 г. В. С. Прядин*, С. М. Абрамов**, Н. А. Ерохина***

*Уральский федеральный университет, филиал в г. Верхняя Салда

**Уральский государственный горный университет, г. Екатеринбург

***Уральский государственный университет путей сообщения,
филиал в г. Нижний Тагил

В статье анализируется ключевой момент истории советско-израильских дипломатических отношений — их разрыв в 1967 г. Он рассматривается как несогласованность в достоверности «образа» и «реальности» арабо-израильского конфликта. Говорится о том, что механизм «сцепления» в дипломатическом взаимодействии двух стран был разрушен, разрыв дипломатических отношений в 1967 г. ни в коей мере не мог иметь однозначного решения.

Ключевые слова: Ближний Восток; СССР; дипломатия; «образ» и «реальность» арабо-израильского конфликта; совладание с внешнеполитической ситуацией; внешнеполитический выбор; международная безопасность.

The article analyzes the key moment in the history of Soviet-Israeli diplomatic relations — their breakup in 1967. It is seen as an inconsistency in the reliability of the “image” and “reality” of the Arab-Israeli conflict. It is said that the mechanism of “clutch” in the diplomatic cooperation between two countries has been destroyed and the severance of diplomatic relations in 1967, in no way could have a unique solution.

Key words: Middle East; USSR; diplomacy; “image” and “reality” of the Arab-Israeli conflict; coping with the foreign policy situation; the foreign policy choice; international security.

В истории международных отношений арабо-израильский конфликт, в котором сегодня концентрируются и интегрируются ключевые проблемы, потребности и риски ближневосточного региона — самый затяжной, запутанный и провокационный международный конфликт, который в течение длительного периода времени вызывает среди его участников абсолютное несогласие по всем противоречивым и соперничающими друг с другом вопросам — территории, религии, поселений и т. д. Раскол или, более того, несоответствие интересов Израиля и арабских стран по целому ряду общих проблем, которые едва ли обнаружили случайно, постепенно

приобрел угрожающий характер для обеспечения безопасности всего Ближневосточного региона. Очевидно, что отсутствие консенсуса, балансирование на грани войны и мира, порождает смятение и замешательство в умах людей, которые и делают свою историю при обстоятельствах, которые они сами выбрали. Склонны предположить, что ответы на вопросы, порождаемые арабо-израильским конфликтом, местом и ролью в нем дипломатии как средства преодоления его неопределенности, невозможно представить в неоспоримой и обоснованной форме истины.

Более того, в истории дипломатии бывают времена и события, значение которых

кажется недостаточно хорошо раскрытым и осмысленным. В этом случае новый взгляд, изменившаяся оптика исследователя оправдывают наше возвращение к давно изученным темам. Это и определяет выбор темы исследования и, кроме того, опыт нераспознанного события заслуживает особого внимания и обозначает не окончательное «закрытие» всех вопросов, порождаемых арабо-израильским конфликтом, а по возможности — постановку многих исследовательских задач. Исключительно важно, что в 2017 году исполняется 50 лет разрыву советско-израильских дипломатических отношений, когда можно подводить итоги и говорить о результатах внешней политики. Полагаем, что любое историческое событие следует оценивать с достаточной исторической дистанции, тогда больше шансов, что это событие будет оценено объективно.

Разрыв советско-израильских дипломатических отношений — это не отдельный эпизод в истории дипломатии двух стран, но это еще и их своеобразная генеральная веха, в которой были заложены онтологические основания той модели взаимных внешнеполитических противоречий, которые будут тесно связаны с природой арабо-израильского конфликта и, несомненно, будут способствовать его углублению. Феномен их разрыва состоит в том, что это трагическое событие стало фактом объективной реальности, в которой на вызовы истории государства отвечали не на языке внешнеполитического диалога, обмена смыслами, а на языке ультиматумов, угроз. Без осознания его значения мы не получим ответа на главный вопрос: почему в советско-израильских дипломатических отношениях не нашлось противоядия от их трагического разрыва? Почему произошло разобщение с народом Израиля? Возможно, что основной причиной стал дефицит поиска компромисса, в том числе желание доминировать в мировой системе международных отношений. Трагедия заключалась в том, что разрыв дипломатических отношений все больше превращался в самоцель, он становился самодовлеющей силой, а значит, не мог служить средством обеспечения международной безопасности и стабильности.

Но вернемся к ходу уже известных событий, новизна интерпретации которых в дан-

ном случае не менее важна, чем новизна исторического факта; поразмышлять над событиями прошлого, в которых концентрируются и интегрируются ключевые проблемы арабо-израильского конфликта, внешнеполитические риски, связанные с разрывом дипломатических отношений, всегда имеет смысл.

В мае 1964 года Египет и Сирия заключили военный союз, угрожая «сбросить евреев в море». Более того, президент Египта Насер закрыл Тиранский пролив и сосредоточил свои войска на Синайском полуострове. Общую тревожную атмосферу тех лет передает фраза тогдашнего министра иностранных дел Абы Эвена: «Оглядываясь вокруг, мы видели мир, разделившийся на тех, кто жаждал нашего тотального уничтожения, и тех, кто не был готов даже пальцем шевельнуть ради нас» [16, с. 141]. Мир, очевидно, не хотел слышать истину. В самый трудный момент, когда арабская угроза стала очевидна, Израиль действительно не получил действенной помощи, что лишний раз подтверждает тезис, что у Израиля настоящих союзников нет. «Мы были одиноки — в самом буквальном смысле этого страшного слова» [10, с. 433], — говорит Голда Меир.

В Израиле молчание великих держав и тем более Совета Безопасности ООН накануне очередной войны воспринималось более чем неоднозначно. Перед руководством страны стояла сложная задача — обеспечить национальную безопасность страны и ее граждан, причем любой ценой.

Накануне 1 июня министром обороны по требованию самых разнообразных по своим политическим убеждениям различных слоев общественности государства Израиль был назначен генерал Моше Даян, национальный герой и победитель в «синайской кампании» 1956 г. Как пишет Голда Меир: «...израильское общество получило, наконец, энергичного и эффективного военного руководителя, которого оно так добивалось и в котором, может быть, даже нуждалось, и я была довольна, что вопрос этот, наконец, решился» [10, с. 439]. 4 июня на закрытом заседании правительства Моше Даян настаивал на том, что «...безопасность нации не терпит никаких отлагательств. Доводы Даяна взяли верх. Решено было начать наступление, не дожидаясь начала боевых дейст-

вий со стороны противника» [2, с. 69–70].

Безусловно, можно допустить и наличие критических взглядов в отношении позиции, занятой Моше Даяном, но предстоящая война, которая станет далеко не последней в их череде, востребовала именно его. Р. и У. Черчилли писали: «В отличие от арабских стран, в Израиле за несколько недель до начала военных действий трудно было сыскать человека, открыто призывающего к войне, но была полная уверенность, что Израиль сумеет дать отпор. Каждый человек понимал, что, если для арабов поражение означало разгром армии, то для Израиля оно означало прекращение его существования как государства» [20]. С другой стороны, поражение могло привести к превращению Израиля в страну с непредсказуемым будущим (возможно и без будущего). Для обоснования данной точки зрения приведем характерное высказывание Алана Дершовица: «...Израиль осознавал, что арабские враги могут позволить себе проиграть войну, результат которой никоим образом не угрожал их существованию и не таил в себе никакой опасности их гражданскому населению. Но если Израиль проиграет хоть одну войну, это может означать конец еврейского государства, истребление его гражданского населения и изгнание выживших беженцев за пределы страны» [6, с. 179].

В итоге в 1967 г. Израиль оказался в ситуации, когда надо было искать новые пути, способы действий, либо «в пользу прошлого», либо «в пользу будущего», что несло с собой тревогу из-за непредсказуемости, неизвестности, в которую предстояло стране вступить. Процесс выбора в пользу будущего нельзя было назвать легким, эмоционально благостным. Как известно, эмоциональное напряжение всегда провоцирует поиск деструктивных выходов из психотравмирующей ситуации. Как следствие, пересилило стремление изменить ситуацию в «свою пользу», сделать ее предсказуемой, но, тем не менее, «решение о начале военных действий израильское правительство «национального единства» приняло не без колебаний. Глава кабинета Эшкол и начальник генерального штаба Рабин сомневались в эффективности превентивного удара Израиля по арабским позициям без внешней поддержки» [8, с. 324–325]. Но и действовать в при-

вычной для Израиля парадигме оказалось также невозможно, так как борьба арабских стран приняла принципиальный характер, чью упрощенную и предвзятую «картину мира» на Ближнем Востоке можно охарактеризовать фразой: «мы против них, потому что они причина наших страданий». Отметим, что уровень претензий арабского мира уже заведомо мог превышать порог их возможностей. Тому была причина, которая выражается, как и теперь, в многолюдии арабского мира или в так называемом демографическом факторе, уверенности в своей силе и правоте, в том числе исторической. По мнению С. Хантингтона: «Израильяне озабочены высокими темпами роста населения Палестины», которые и были и продолжают оставаться подлинной опасностью для Израиля. Арабский мир, его реваншизм в долгосрочном плане ставит Израиль в исключительно сложное положение.

Поэтому предстояло действовать, превышая «пороговые» требования ситуации, предстояло как бы подняться над ними. «Над-ситуативность» в событиях 1967 г. означала не что иное, как сочетание принятия требований сложной ситуации и, одновременно, преодоления их. Инициация действий над порогом ситуативной необходимости дает характеристику меры полезной активности государства Израиль как момента его развития («мир изменяется, и у нас появляется шанс придать этим изменениям выгодную нам форму»).

В результате грамотно проведенного Шестидневного блицкрига войска под командованием М. Даяна заняли Синай, Голанские высоты и Западный берег реки Иордан. Они полностью освободили Иерусалим, город, который называют сердцем и душой еврейского народа, город, который каждый верующий еврей ежедневно упоминает в своих молитвах. «Быстрое поражение арабов продемонстрировало, насколько Египет, Сирия и Иордания были плохо подготовлены к войне» [1, с. 44]. Наоборот, израильские войска продемонстрировали свое преимущество в стратегии и тактике, в понимании характера и особенностей войны. Необходимо принять во внимание и другое обстоятельство, связанное с тем, что, несмотря на то, что «Израиль прорвал блокаду и поразил весь мир своей

громкой победой ... но он не завоевал для себя мира», — Шимон Перес.

Отметим, что победа Израиля была обусловлена не только военным мастерством его военачальников и воинским искусством солдат, но и их мужеством, стойкостью и героизмом. Главное было в безусловной солидарности и внутреннем единстве израильского общества, его нерастраченном моральном ресурсе. Не исключено, что причины эти заключались в психологии победителей и побежденных, в их восприятии событий и отношении к ним. Конечно, можно не согласиться с такой трактовкой причин победы. Читатель сам может сделать свои выводы. В итоге Израиль взял от войны то, что он хотел для своего народа. Он сделал это путем войны, потому что иных средств уже не было, хотя неверно считать, что военный путь — единственный.

«Религиозные мыслители и раввины не колеблясь объяснили результаты Шестидневной войны Божьим промыслом: «Чудо великое было явлено Израилю, когда восставал на него враг и притеснитель в год 5708 и в год 5727 от сотворения мира, когда не только не одолели его многочисленные и сильные враги, окружив со всех сторон, дабы уничтожить, но чудесным образом Израиль, находившийся до 5708 года под чужеземным владычеством, обрел свободу, а с 5 дня месяца ияра и государственную независимость; в год же 5727 удостоился Израиль освободить все земли свои, и венец этой победы — освобождение Иерусалима и Храмовой горы, святыни, находившейся в плену у врага и притеснителя, — это произошло в 28 день месяца ияра, день, предназначенный Высшим Провидением для Избавления Израиля» [16, с. 142]. Так, «под шелест крыльев Истории, в буре жестокой войны состоялась ошеломляющая встреча народа со своей землей. Это важное событие не могло не оставить глубокого следа в душах сражающихся людей. С освобождением Иерусалима они впервые ощутили себя не просто израильянами, а евреями, кровно связанными со своим народом» [16, с. 141], — пишет Амнон Рубинштейн.

Вряд ли в действиях Израиля в ходе Шестидневной войны можно обнаружить продуманную и тщательно проводимую в жизнь

экспансионистскую тенденцию. Утверждения и попытки говорить о том, что израильская армия не покинула захваченные в ходе войны территории, не могут быть обоснованием экспансионистских амбиций Израиля. На наш взгляд, совершенно бесперспективно искать какой-либо фактор, который бы объяснял поведение Израиля в ходе войны, приводя, например, в доказательство, что «... израильский исследователь А. Эпштейн в одной из своих работ пишет о том, что прозорливые представители военной разведки буквально за день до окончания Шестидневной войны предложили вернуть захваченное арабам — в обмен на мир и признание Израиля, что было бы реально в условиях растерянности арабских государств, наголову разбитых в войне» [1, с. 45]. Более благоразумно в этом случае говорить об упадке жизненной силы арабского мира и уникальной еврейской жизнеспособности, отнюдь не стремившейся доказать свое превосходство над соседями. Как известно, во время войны любое государство сталкивается с целым комплексом целей и задач, необходимостью их реализации. Именно они отражают сложности протекания арабо-израильского конфликта, диктуют необходимость того или иного радикального и активного решения взаимных противоречий, в том числе территориальных. Напомним, что войны предполагают территориальные захваты, делают их возможными, но все же не обязательными, особенно без наличия благоприятных факторов.

Победа Израиля в легендарно короткой Шестидневной войне с болью и горечью отзывалась в сердцах арабов. «Что может быть позорнее и оскорбительнее для гордой нации с великой культурой и памятью о славном прошлом?» [10], — пишет отечественный исследователь Г. И. Мирский. «Шок, связанный с разгромом арабских армий в Шестидневной войне 1967 года, погрузил арабский мир в глубокую депрессию. Превосходство израильских вооруженных сил было столь очевидным, что арабские соседи на какое-то время распрощались с идеей уничтожения государства Израиль» [3, с. 33], — говорит А. Брасс.

Победа в войне не только изменила военно-стратегическое положение страны, но и ее внутренний, политический и моральный об-

лик. Но даже такой успех не мог обеспечить длительного периода затишья. Из войны вышли, но из самого арабо-израильского конфликта не смогли. Как пишет Александр Брасс: «Несмотря на сокрушительный разгром арабских вооруженных сил в Шестидневной войне 1967 года, арабские страны не отказались от идеи силового решения палестинской проблемы путем физического уничтожения Государства Израиль» [3, с. 160]. Тем самым Израиль был на краю от «войны мести». Однако на практике ни одно арабское государство не решилось открыто вступить в новый вооруженный конфликт. «В Израиле все без исключения понимали, что успех в Шестидневной войне так и не принес стране долгожданного спокойствия» [3, с. 38]. Было ясно, что арабы оставались арабами, а страница ближневосточного арабо-израильского противостояния продолжала оставаться не перевернутой. Одна из причин — отсутствие мирного договора с арабскими странами, особенно после завершения войны, так как несмотря на то, что пушки замолчали, заинтересованные стороны конфликта (победитель и победившие) не сели за стол переговоров. Поэтому арабский мир по-прежнему продолжал находиться в состоянии противоборства с Израилем. Как отмечает в своих воспоминаниях Р. А. Сергеев: «Уничтожение Израиля было главным лозунгом арабских стран» [18, с. 176]. Известный политический деятель, бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос Гали также говорит: «Десятилетиями это был враг, раковая опухоль на теле арабского мира, которую мы должны были уничтожить всеми имеющимися силами» [5, с. 35].

В результате успешной войны Израиль предстал как реальная, а не мифическая сила, с которой можно было связать свою судьбу, поэтому после войны «...Израиль казался источником защиты для евреев всего мира» [6, с. 390]. Отметим, что этнос неспособный к своему переструктурированию, погибает в результате военных катаклизмов. И совсем не случайно среди советских евреев, несмотря на запретительную политику советского правительства, был сделан категорический, долгожданный выбор: «Израиль — это родное, Россия — это в лучшем случае дво-

родное, а то и вовсе чужое». Если раньше, в 1956 году так называемое сочувствие Израилю не приводило к отождествлению с ним, то после июньской войны число заявлений о желании эмигрировать из Советского Союза снова резко возросло. Евреи в СССР «заболели» Израилем. Они знали, их государство создавалось выходцами из СССР: «...Москва в числе первых (даже раньше США) выступила в Совете Безопасности ООН в 1947 г. за признание Израиля в качестве самостоятельного государства» [7, с. 152], и, наконец, СССР пришел ему на помощь, пусть и косвенно, в войне за Независимость 1948–1949 гг. Вопреки изменившимся дипломатическим отношениям, они понимали, что рано или поздно, но СССР повернется к Израилю. Надо сказать, что евреи, которых всегда отличала ярко выраженная «воля к жизни», никогда не теряли чувство оптимизма, не могли себе позволить такую роскошь, как пессимизм и умели смотреть на жизнь открытыми глазами.

Действительно, проарабский дрейф или транзит внешней политики Советского государства не мог продолжаться до бесконечности. Тем не менее, арабская направленность внешней политики Советской России соответствовала логике строительства советской империи (сверхдержаве), поэтому она не могла воплощаться бессознательно, по инерции, не могла не исходить из предзаданной направленности геополитических интересов страны, даже вопреки национальным интересам самого общества.

В СССР политический режим явно не ожидал такого хода войны, а тем более ее исхода, поэтому он пришел в негодование от военного поражения Насера, что, безусловно, никакой случайностью не было. В результате военного поражения Египта, Сирии возникла реальная угроза для Советского Союза потерять своего союзника на Ближнем Востоке (Египет и Сирия могли в результате поражения попасть в руки США и перейти под их контроль), чей арабский национализм правящий режим в СССР не смог бы больше использовать для систематического давления не только на Израиль, но и на своих противников, оппонентов, прикрываясь и, весьма успешно, лозунгом «защиты справедливого

дела арабских народов», тем самым внося необходимую дезорганизацию в международные процессы.

Необходимо отметить и другое: Египет и Сирию нельзя назвать несамостоятельными игроками на пространстве Ближнего Востока. Арабские элиты также оценивали ситуацию со всех сторон, делали выбор, руководствуясь сложившейся благоприятной конъюнктурой (выгодой) и ментальностью (что будет понято и одобрено народом; поэтому это был выбор и на духовном уровне). Генри Киссинджер говорит: «...арабы стремились использовать соперничество великих держав в холодной войне, чтобы укрепить свое влияние» [9, с. 154].

Арабы, безусловно, давили на СССР, эта политика создавала определенные пределы для внешней политики СССР. Конечно, можно предположить, что это была часть покупной стратегии со стороны арабов, как момента давления на нефтяные рынки стран Запада, что, безусловно, было выгодно для СССР.

В свою очередь, сложившаяся ситуация отражалось на геополитическом соперничестве СССР и США, преследовавших, прежде всего, свои интересы в рамках ближневосточного урегулирования. В конечном итоге, биполярная идеологическая конфронтация держав не замедлила ускорить расширение советского взаимодействия с арабским миром. Как следствие в СССР «была выдвинута теория «социалистической революции», которая получила «законное», да и обязательное, право на существование...» [12, с. 366].

Смычка между советской и арабской сторонами ярко проявилась в идеологической окраске, в совокупности идей, образов и представлений, которые «насыщали» каждого гражданина СССР ежедневной дозой своей исключительности, воздействуя, насколько это возможно было, на глубинные структуры человеческого мышления с целью формирования необходимых «поведенческих репертуаров».

«Протянутую им «идеологическую руку» СССР ухватили некоторые арабские лидеры, многие из которых, пользуясь нашими тогдашними комплексами, стали играть — именно играть — роль идеологических партнеров, ублажая наш слух столь приятными словами типа «весь социалистический

(или прогрессивный) мир во главе с Советским Союзом», «СССР — лидер мирового национально-освободительного движения» и так далее и тому подобное» [12, с. 367].

Советский Союз оставался державой, которая тщательно одевала свой внешнеполитический курс в идеологические одежды, целенаправленно искажая образ американской внешней политики. Не будем забывать, что поводом к этому послужила холодная война держав. Поэтому совсем не случайно «...арабо-израильский конфликт подчас окрашивался в идеологические тона» [12, с. 366]. В результате всех усилий СССР станет-таки «основным поставщиком вооружения и дипломатическим защитником националистических арабских государств, которые, в свою очередь, поддерживали, как правило, советские международные инициативы» [9, с. 154].

Но вернемся к событиям, которые развивались со стремительной быстротой. Как скажет В. Фалин: «скоротечность событий предопределила конвульсивность реакции советской стороны. Политические решения приняты: СССР встает на сторону жертвы агрессии и разрывает дипломатические отношения с агрессором...» [19, с. 102]. Отметим, что это была несоразмерная реакция СССР на события, происходящие на Ближнем Востоке.

Уже 10 июня 1967 года советское посольство в Тель-Авиве получило из Москвы ноту о разрыве дипломатических отношений с Израилем. В этот же день нота была вручена А. Эбану. Министр выразил сожаление. Между тем, 10 июня в 14:30 в МИД СССР был вызван посол Израиля в Москве К. Катц и первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов вручил ему ноту, в которой говорилось: «Если Израиль не прекратит немедленно военные действия, Советский Союз совместно с другими миролюбивыми государствами примет в отношении Израиля санкции со всеми вытекающими отсюда последствиями» [13, с. 122–123]. В ноте было заявлено: «Правительство Союза СССР приняло решение о разрыве дипломатических отношений Советского Союза с Израилем» [13, с. 123]. Нота, которая содержала в себе вполне внятную геополитическую подоплеку, безусловно, говорила и о том, что есть пределы и сферы влияния, за которые Израиль

переходить не может. И действительно, Израиль не перешел так называемую «красную черту». Некоторые назовут это слабостью Израиля, мы же, напротив, его силой или более того — стратегической сообразительностью, под которой следует понимать разработку оптимальной внешнеполитической стратегии поведения государства, обусловленную необходимостью принятия нестандартных решений в условиях экстремальной ситуации, отражающей многообразие протекания внешнеполитических процессов, с учетом фактора времени. Далее, как протекали события, в целом известно. Как пишет Е. М. Примаков: «Через три часа после вручения советской ноты израильское правительство приняло решение о прекращении военных действий на всех фронтах» [13, с. 123]. Таким образом, посредством дипломатического демарша Советский Союз, возможно, существенно спрямил дорогу к завершению военных действий со стороны Израиля.

Важно подчеркнуть, что разрыв дипломатических отношений с Израилем в 1967 г. стал «повторным замораживанием», но, в отличие от событий 1953 г., более длительным и долгосрочным. Общее в событиях 1953 г. и 1967 г. состояло в том, что это был шаг, в котором не было необходимости, а, следовательно, он находился в противоречии с рационалистической традицией понимания внешнеполитического процесса.

Он, скорее всего, отражал некую подспудную борьбу между кремлевскими группировками, которые пришли к своим выводам и изменению профиля внешней политики страны, прежде всего, ситуативно, т. е. фактически война стала едва ли не главным стимулом к ее изменению. Кроме того, необходимо принять во внимание и то обстоятельство, что политической элите Советского Союза, которая предпочла действия по сложившимся стандартам, психологически оказалось гораздо проще поменять внешнеполитический барометр страны с «плюса» на «минус», чем начать мучительно выработать какую-то новую парадигму внешней политики страны. Поэтому маятник качнулся из крайнего левого положения в крайнее правое, не задержавшись на спасительной умеренной середине. В этом случае политическая и военная элита

страны обнажили то, что в скрытой форме существовало задолго до разрыва дипломатических отношений, но что в других политических условиях, более умеренных, удавалось прятать подальше от посторонних глаз. Это подтверждает только одно, что у Москвы «...не было никаких планов установления нормальных двусторонних отношений (имеется в виду, долгосрочных — С. А.), которые в принципе могли иметься между глобальной сверхдержавой и небольшой региональной державой» [15, с. 155]. В контексте такого положения вещей, всякая дискуссия о причинах разрыва советско-израильских дипломатических отношений теряет всякий смысл.

Очевидно, что пересмотру подверглось нечто большее, чем «внешнеполитический зигзаг», т. е. смена внешнеполитических приоритетов, обусловленная желанием обрести твердую опору в арабском мире, который после окончания Второй мировой войны и крушения системы колониализма, играл все большую роль на мировой арене, и на чьей стороне был нефтегазовый фактор. В результате под вопросом оказался внешнеполитический выбор СССР как таковой. Речь идет о пересмотре внешнеполитической парадигмы, в рамках которой развивались советско-израильские дипломатические отношения. И то, что долгое время казалось маловероятным, выглядело теперь вполне технологичным. В итоге механизм «сцепления» в дипломатическом взаимодействии двух стран был разрушен и разрушен надолго. Это означало только одно: разрыв дипломатических отношений выступал как излишний, избыточный момент с точки зрения реализации исходных интересов советского государства. В этом случае «...разрыв отношений с Израилем представляется ошибкой, затрудняющей мирное урегулирование в этом районе, затрудняющей необходимое дипломатическое признание Израиля арабскими государствами» [17, с. 19].

Стране с искаженным представлением об арабо-израильском конфликте — конфликте несовместимых целей, интересов, ценностей, потребностей и соперничестве за ограниченные ресурсы, предстояло вписаться в новый для себя дискомфортный мировой порядок, где ни одну проблему не удастся

решить усилиями лишь одной страны, даже если она (страна) объявляет свои действия некой великой миссией по спасению человечества.

Однако, на наш взгляд, разрыв советско-израильских дипломатических отношений, который был окружен аурой легитимности, идущей от сознания широкой народной поддержки, необходимо рассматривать, прежде всего, как несогласованность (нарушенное соотношение) в достоверности «образа» и «реальности» арабо-израильского конфликта, который имел различное значение для субъектов международных отношений, включенных в единый мировой исторический процесс, а, следовательно, в глобальную безопасность. Как отмечает в своих воспоминаниях В. Виноградов: «арабо-израильский конфликт — это борьба сил прогресса с реакцией, то неудивительно, что Советский Союз поддерживает прогрессивные силы, а США, также в силу своей классовой природы, поддерживают реакционные силы» [4, с. 11]. В приведенной фразе уже заложено онтологическое противоречие между «образом» и «реальностью» арабо-израильского конфликта, в котором Советский Союз выступал как прогрессивная сила на стороне угнетенных стран Ближнего Востока, а Израиль и США — реакционная, что придавало ситуации долю абсурда, намеренно искажало массовое сознание людей, неотъемлемой частью которого было мифотворчество, как фактор препятствующий его урегулированию. Ключевыми константами нарушенного соотношения являлось не содержательное наполнение «образов», а общие приписываемые арабо-израильскому конфликту характеристики. Наполнение этих характеристик могло изменяться, тогда возникали новые модификации «образа». «Образ» конфликта расщеплялся и выступал в качестве совокупности его интерпретаций конфликта, способствуя реализации действий советской внешней политики, направленных на поддержку арабских стран Ближнего Востока.

Данный исторический факт и есть основание для разброса моделей внешнеполитического поведения того или иного государства, включенного в орбиту арабо-израильского конфликта. Сакраментальный вопрос истории о том, существует ли дипломатия

в большей степени в реальном или в сконструированном ей мире, не получает исчерпывающего ответа при анализе арабо-израильского конфликта.

Очевидно лишь, что ситуация, сложившаяся в советско-израильских дипломатических отношениях, которая в конечном итоге и привела к их разрыву в 1967 г., ни в коей мере не могла иметь однозначного решения. Соотношение нестабильного реального арабо-израильского конфликта и более того, нестабильного его образа должно было породить многообразие моделей «ответа», поиска внешнеполитических решений этой непростой ситуации. Однако советская дипломатия оказалась не в состоянии внести свой вклад в прояснение новой конфигурации советско-израильских отношений, а затем — в обозначение способов овладения новой ситуацией. Иными словами, это означало отказ от поиска новой внешнеполитической стратегии, которая позволила бы сблизить реальный арабо-израильский конфликт и образ этого конфликта, преодолеть границу между «своими» и многочисленными «чужими».

Как известно, радикальные решения в целом болезненно сказываются на судьбах народов, и, по-видимому, только реальное движение к преодолению разногласий, большое совместное напряжение усилий могли стать способом «совладания» в поиске и осмыслении сложившихся советско-израильских дипломатических отношений с точки зрения их изменений. Однако, по мнению известного востоковеда Е. Д. Пырлина: «Широкого видения ближневосточной ситуации во всей ее противоречивости советское руководство в тот период проявить не смогло» [14, с. 54]. В этом контексте стал очевиден тупик, в который зашла ближневосточная внешняя политика СССР. Ибо «...такой шаг долгое время лишал СССР возможности всесторонне участвовать в процессе ближневосточного урегулирования» [14, с. 152].

Отметим, что урегулирование и, тем более, решение ближневосточной проблемы с советской стороны усложнялось серьезной заидеологизированностью и общества, и государства, и взаимоотношений с соседями. Все это приводило к тому, что во главу угла дипломатических усилий ставилась идеология, которая порой вступала в полное проти-

воречие со здравым смыслом. Один из видных дипломатов СССР А. Ф. Добрынин отмечал: «Идеологический плен прочно сковывал действия советской дипломатии» [7, с. 136]. К сказанному добавим: идеология, которая понимается достаточно широко в 1967 году включала в себя и идеологию антисемитизма, она не только ограничивала внешнеполитические инициативы, но и по-прежнему держала внешнюю политику страны в так называемой «смирительной рубашке», тем самым затрудняя систему мировой безопасности и сотрудничества, так как она способствовала консервации сложившегося порядка, формированию определенной (упрощенной) «картины мира», неизменной существующей ситуации, поддерживая специфическое состояние «тревожности» общества. Идеология становилась образом жизни и мышления людей, проявляя себя в неявном виде, но посредством которой индивид оказывался включенным в некое состояние «принадлежности» к происходящим событиям на основе принципа «ты с нами или против?», что позволяло судить людей, чья точка зрения не совпадала с точкой зрения государства. По мнению В. Фалина: «Унифицированная официальная идеология никогда не исчерпывала реальные умонастроения в обществе» [19, с. 375].

Безусловно, мир от этого не становился более безопасным. И, тем не менее, идеология внутри страны всегда была на шаг впереди подлинных национальных и государственных интересов, которые оказывались на втором плане.

Идеи активно продолжали моделировать массовое сознание советского общества, испытывавшего в атмосфере несвободы и отсутствия демократических ценностей давление стереотипов, которые ломали общепринятые нормы социального поведения, освобождая в нем место для «коллективного бессознательного». Тем самым в обществе формировалась своеобразная нечувствительность (отстраненность) и безразличие к происходящему (посредством архаизации образцов массового поведения), которые становились психологической стратегией поведения огромного большинства советских людей в стране. А тем временем сознание, в котором, говоря словами философа Андре Глюксманна, предметом ненависти выступал

не реальный еврей, а еврей надуманный, наоборот, моделировало и определяло внешнюю политику страны. В конечном итоге, ошибки и заблуждения приводили к политическим просчетам, которые были обусловлены «...излишней заидеологизированностью внешней политики», — говорит в своих мемуарах Г. Арбатов.

Подчеркнем, что действия советской дипломатии не определялись только одной идеологией, более того, поступки государств редко обуславливаются наличием одной какой-либо идеи, так как взаимосвязь и отношения идеологии и дипломатии всегда сложнее многообразных причинно-следственных связей. Нельзя в данном случае не учитывать и имперские (геополитические) притязания СССР, которые были прочно вплетены в идеологическую и политическую доктрину общества и государства.

Очевидно давление так называемых пережитков «революционной» идеологии было, и идеологи активно расставляли соответствующие акценты, старательно конструируя на идеологическом уровне образ врага, но все же она не играла доминирующей роли в разрыве дипломатических отношений. Совершенно необоснованно с нашей стороны причину разрыва дипломатических отношений сводить только к идеологическому фактору. Тем не менее, данное утверждение все же не представляется бесспорным. Так, например, Яков Рой считает, что «подлинной причиной разрыва Советским Союзом дипломатических отношений с Израилем в июне 1967 г. было желание ликвидировать имевшиеся у советских евреев связи с израильским посольством в Москве и вообще всякое, постоянное или временное, израильское присутствие в СССР. Шестидневная война была не более как поводом для этого решения; она дала отличное оправдание для него, ибо Москва, конечно же, никогда не могла себе позволить открыто заявить, что она разрывает дипломатические отношения вследствие вмешательства Израиля в ее внутренние дела; к тому же это был подходящий жест по отношению к арабам в тот момент, когда авторитет Советского Союза в арабском мире упал до минимума» [15, с. 152].

Конвенция двусторонних советско-израильских дипломатических отношений была

расшатана и принесена, прежде всего, в жертву политической целесообразности. Несомненно, что в этот критический момент, именно внешняя политика страны была крайне прагматичной, построенной на использовании конъюнктуры и выгоды, но, прежде всего, односторонней. Прагматизм внешней политики СССР не противоречил идеологии и устоям советского общества, так как его базовые ценности оставались неизменными. В 1967 г. прагматизм внешней политики страны выражался уже в стратегическом выборе страны.

Внешняя политика имела внятную геополитическую подоплеку на фоне глобального противостояния США (выступая в качестве «охранной грамоты» для Израиля) и СССР (многообещающий союзник арабов). Сегодня отчетливо видно, что прагматизм стал общим знаменателем казавшихся последовательными решений по вопросам внешней политики государства. Отметим, что в Кремле, «...при всем обычно присутствовавшем прагматизме во внешней политике, так и не были способны оценить те практические преимущества, которые можно было извлечь из развития связей с Израилем» [15, с. 155]. Следовательно, был утрачен шанс на интенсивное взаимовыгодное двустороннее развитие в рамках культурного, научного, образовательного и экономического сотрудничества, налаживания торговых отношений, обмена технологиями. Все это не позволило СССР своевременно встроиться в технологическую цепочку, что впоследствии вызовет эффект замедления в развитии отечественной экономики.

Специфика ситуации разрыва дипломатических отношений в 1967 году между СССР и Израилем заключалась в том, что она была не только сложна с точки зрения последствий для каждого из государств, но и являлась проявлением более сложных противоречий (их скопления), которые сложились в рамках Ближневосточного региона, где Израиль выступал как «выигравшие», а арабский мир — «проигравшие», что и обуславливало их большую поляризацию и превращало конфликт в противостояние с неизвестными и непредсказуемыми результатами.

Безусловно, разлад советско-израильских отношений был трагичен: трагичен для рус-

ских, для евреев, для мира в целом, так как эта трещина, так называемая стена отчуждения, выходила далеко за пределы советско-еврейских ареалов. Не было никакой надежды преодолеть враждебность, и не было шансов сократить дистанцию между «нами» и «ими». Советская дипломатия своей негибкой и неоправданно жесткой (жесткой, да, но все же не агрессивной) позицией не содействовала решению арабо-израильского конфликта. Безусловно, альтернатива разрыву советско-израильских дипломатических отношений была, но отсутствовало желание. Как говорили древние, желание — это тысяча возможностей, а нежелание — это тысяча причин. Поэтому альтернатива осталась нереализованной. Вновь энергия заблуждения (на этот раз в сфере дипломатии) взяла верх над здравым смыслом. В итоге процесс дипломатического взаимодействия Советского Союза с Израилем был законсервирован на долгие годы.

Приходится констатировать, что с 1967 года началось активное выталкивание Израиля из сферы внешней политики СССР. Это был тотальный разворот СССР в дипломатических взаимоотношениях с Израилем. Профиль советской внешней политики все больше сдвигался в сторону арабских стран, соответственно, еврейский дрейф резко ослабевал.

Вообще говоря, сама идея совладания с внешнеполитической ситуацией не является новой. Однако необходимость такого типа внешнеполитического поведения возникает, когда речь идет о совладании с обстоятельствами, которые сохраняют свое значение для судеб народов, в чьих головах и конструируется образ арабо-израильского конфликта и его реальность.

Возможно, что советская дипломатия в состоянии была внести свой вклад в прояснение внешнеполитической конфигурации, особенно на фоне «холодной войны», а затем — в обозначение способов совладания с новой ситуацией (изменениями). Другими словами, это означало возможность найти себя в новом внешнеполитическом пространстве, овладеть новыми ролями, соотнести свои представления об арабо-израильском конфликте с реальным конфликтом. В этом случае задачей советской дипломатии

становилась разработка стратегии (в том числе долгосрочной) внешнеполитического диалога, компромисса, решений, которые позволяли бы сблизить реальный арабо-израильский конфликт, в котором он существует, и тот иррациональный образ, который он конструирует в головах людей, политиков, в конечном счете, возможно, и дипломатов. Напомним, что дипломатический диалог позволяет, по мнению А. Добрынина, «...снимать излишнюю конфликтность, обезвреживать особо взрывоопасные ситуации, взаимно контролировать пульс событий» [7, с. 91].

Таким образом, новая внешнеполитическая реальность должна была внести коррективы в проблематику советско-израильских дипломатических отношений. Пройти между своеобразными Сциллой и Харибдой нестабильных отношений между Советским Союзом и Израилем — не самая легкая задача для дипломатии сторон. Но если дипломатия хочет оставаться востребованным фактором международной безопасности, она должна была решить эту проблему. Вся история дипломатии в определенной степени способствует выполнению этого требования. Проверка дипломатии на профессиональную пригодность, своеобразную дальнорочность могла быть осуществлена в данном случае на адекватном соотношении внешнеполитических принципов и решении задач. Ко взаимному дипломатическому компромиссу нужно было идти постепенно и неуклонно. Опыт истории дипломатии показывает, что пока никому еще не удавалось добиться устойчивого соглашения без учета взаимных интересов сторон. Впрочем, всегда есть сторонники разных мнений: одни считают договор благом, другие — злом.

Не претендуя на полное и законченное раскрытие данной темы (осуществить это вряд ли возможно) отметим, разрыв дипломатических отношений с Израилем материализовал себя не только по отношению к исторической памяти, когда за Израилем закрепилось в качестве стереотипа представление как своего рода центре всемирного заговора против Советского Союза, но и в своеобразном упрощении, огрублению взгляда на роль и значение дипломатии, ибо в сознании «прогрессивных сил» он (то есть разрыв) был возведен в степень благой политиче-

ской целесообразности и закономерности, а отнюдь не случайности, характеризующей состояние советско-израильских дипломатических отношений. И только с дистанции времени сегодня видно, что данное решение было губительным для системы международной безопасности, пусть оно не вело фатально к кризису в международных отношениях, а лишь создавало для него необходимые предпосылки.

Литература

1. Ближний Восток: война и политика — Middle East: War and Politics. / Под ред. Г. Г. Исаева и А. А. Сотниченко. — М.: Изд. дом Марджани, 2010. — 288 с.
2. Боровой Я. Л. Ариэль Шарон. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007. — 288 с.
3. Брасс А. Палестинские истоки. / А. Брасс. — М.: ООО ИД «Русь»-«Олимп»; ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. — 347 с.
4. Виноградов В. М. Египет: От Насера к Октябрьской войне. Из архива посла. — М.: Институт востоковедения РАН, 2012. — 216 с.
5. Гали Б. Б. Путь Египта в Иерусалим. Рассказ дипломата о борьбе за мир на Ближнем Востоке. / Предисл. А. Васильева; пер. с англ. К. Труевцева. — М.: Книжный дом газеты Труд, Классика плюс, 1999. — 416 с.
6. Дершовиц А. Слово в защиту Израиля. / Алан Дершовиц; пер. с англ. Л. Черниной. — М.: Текст: Книжники, 2011. — 476 с.
7. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). — Изд. 2-е. — М.: Международный. отношения, 2008. — 712 с.
8. Карасова Т. А. Политическая история Израиля: Блок Ликуд: прошлое и настоящее. / Т. А. Карасова; Ин-т востоковедения Российской акад. наук. — М.: Наталис: Ин-т востоковедения РАН, 2009. — 528 с.
9. Киссинджер Г. Мировой порядок. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 512 с.
10. Меир Г. Моя жизнь. / Пер. с иврита Р. Зерновой. — Чимкент: МП «Аурика», 1997. — 560 с.
11. Мирский Г. И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2008. — 163 с.
12. Примаков Е. М. Годы в большой поли-

тике. — М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. — 448 с.

13. *Примаков Е. М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). — М.: ИИК «Российская газета», 2006. — 384 с.

14. *Пырлин Е. Д.* Трудный и долгий путь к миру: Взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. — 512 с.

15. *Рой Я.* Проблемы советско-израильских отношений. / Советская внешняя политика в ретроспективе 1917–1991. — М.: «НАУКА», 1993. — 208 с.

16. *Рубинштейн А.* От Герцля до Рабина.

Сто лет сионизма. / Под ред. Ф. Дектора; пер. с иврита. — Мн.: «МЕТ», 2000. — 400 с.

17. *Сахаров А. Д.* Тревога и надежда. — М.: «Интер — Версо», 1990. — 336 с.

18. *Сергеев Р. А.* В МИД СССР. На Кузнецком мосту и Смоленской площади. 1948–1991. / Р. А. Сергеев. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 320 с.

19. *Фалин В. М.* Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. — М.: ЗАО Издательство «Центрополиграф», 2016. — 447 с.

20. *Черчилль Р. С. и У.* Шестидневная война. — Иерусалим, «Библиотека-Алия», 1989. — 248 с.

Поступила в редакцию

21 января 2016 г.

Владимир Станиславович Прядеин — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России филиала Уральского федерального университета в г. Верхняя Салда.

Vladimir Stanislavovich Pryadein — Ph.D., Doctor of History, Professor, professor of the Russian History department of the Ural Federal University's branch in Verkhnyaya Salda.

624760, Свердловская обл., г. Верхняя Салда, ул. Рабочей молодежи, д. 1
1 Rabochey molodezhi st., 624760, Verkhnyaya Salda, Sverdlovsk reg., Russia
Тел.: +7 34345 2 03 60; e-mail: olkenn@yandex.ru

Сергей Михайлович Абрамов — кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления персоналом Уральского государственного горного университета.

Sergey Mikhailovich Abramov — Ph.D., Candidate of Pedagogics, docent of the Personnel Management department of the Ural State Mining University.

620144, Екатеринбург, пер. Университетский, 7, 4 уч. здание, ауд. 4509
7 Universitetskiy al., bld. 4, r. 4509, 620144, Ekaterinburg, Russia
Тел.: +7 343 257 75 72; e-mail: ief.up@m.ursmu.ru

Наталья Александровна Ерохина — кандидат исторических наук, доцент кафедры общенаучных дисциплин филиала Уральского государственного университета путей сообщения в Нижнем Тагиле.

Natalia Aleksandrovna Erokhina — Ph.D., Candidate of History, docent of the General Scientific Disciplines department of the Ural State University of Railway Transport branch in Nizhniy Tagil.

622013, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Садовая, 97, кв. 278
97 Sadovaya st., app. 97, 622013, Nizhniy Tagil, Sverdlovsk reg., Russia
Тел.: +7 952 140 55 30; e-mail: alvp28032008@yandex.ru
